

ФЕНОМЕН ПАРТИИ ОДНОЙ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В АВСТРАЛИИ

Последние десятилетия XX века стали для Австралийского Союза (АС) временем самого решительного пересмотра базовых основ, на которых строилась государственность страны в течение этого столетия. Процессы глобализации, в которые вовлекалась Австралия, приносили, безусловно, большие преимущества для режима международной торговли и расширения рынков труда и капитала. Но в то же время они несли с собой и явно негативные для большинства населения, не имевшего прямого доступа к прибылям большого бизнеса, последствия. Наиболее болезненными примерами были разорение мелких и средних фирм, не выдерживавших конкуренции с международными монополистами; свобода миграций приводила к возникновению новых социальных проблем и требовала коррекции как внешней, так и внутренней политики. В частности, в Австралии были официально признаны права аборигенов на их земли, и этническая самоизоляция уступила место политике мультикультурализма и ориентации на страны Азии не только как на ближайших соседей и выгодных торговых партнеров. В начале 1990-х годов тогдашний премьер-министр АС П. Китинг объявил свою страну частью Азии и призвал сограждан всячески содействовать процессу «азианизации» Австралии¹. Процесс этот носил весьма неоднозначный характер и оценивался по-разному.

Разработчики этого курса делали упор на необходимость установить равенство возможностей для всех меньшинств, составлявших население страны, и официальная точка зрения руководства лейбористского правительства 1980-х годов мало разнилась с их мнением. Но тогда же часть экспертов предупреждали об опасностях чрезмерного увлечения диверсификацией общества. Доклад Ст. Фитцджералда о реалиях и перспективах иммиграционной политики АС в 1988 году стал серьез-

ным предупреждением кабинету Р.Л. Хоука о перекосах в проведении мультикультурализма, но был весьма прохладно встречен властями. Вновь выступил один из ведущих историков современной Австралии Дж. Блейни, который считал мультикультурализм «совершенным мошенничеством» и «изошренной формой расизма». Более гибко и дипломатично охарактеризовал этот курс лидер оппозиции Дж. Говард; будучи сторонником традиционных англо-кельтских ценностей, он считал его «бесцельной, разделяющей общество политикой» и впервые в конце 1980-х годов заговорил о необходимости разработки концепции «Одной Австралии», подразумевая под этим укрепление базы национального единства². Тем не менее, в те годы редкие голоса противников мультикультурализма утонули в мощном потоке обрушившейся на их головы критики.

Однако муссирование проблем коренного населения и этнических общин, а также щедрые дотации на их нужды в условиях непростого экономического положения страны в период проведения рыночных реформ привели к тому, что скрытое до времени за ширмой политкорректности недовольство простых австралийцев европейского происхождения, остро ощущавших свою ущемленность, прорвалось наружу.

Отражением этих настроений стало появление на политической арене страны Полин Ли Хэнсон – владелицы маленького магазинчика из штата Квинсленд, белой австралийки в третьем поколении и матери 4 детей. В 1994 году она заявила о себе сначала на местном уровне, получив, как независимый кандидат, место в совете Ипсвича. В газете «Квинсленд Таймс» было опубликовано ее письмо, где речь шла об аборигенах: «Как можем мы ожидать, что эта раса поможет себе, когда правительство заливает их деньгами, льготами и возможностями, которыми могут обладать лишь эти люди, без учета, сколько на деле аборигенной крови течет в их венах, и именно это порождает расизм». Она призывала правительство «очнуться и начать смотреть на равенство, а не на цвет кожи», поясняя, что она не против аборигенов как таковых, а против «профессиональных аборигенов», присосавшихся к денежным пособиям правительства и забирающих их у тех чернокожих собратьев, кто действительно в этих средствах нуждается. Ответом была обструк-

ция со стороны лейбористов и определение, данное ей старейшинами местных племен – «невежественна, как свинья в грязи»³. Пресса всячески пыталась представить Хэнсон как маргинального политика, не отражавшего мнения австралийского общества в целом.

Однако в 1996 году П. Хэнсон прошла в палату представителей как депутат от либеральной партии. Избиратели ее округа Оксли еще в 1984 году пытались отозвать тогдашнего министра иностранных дел АС Билла Хейдена из-за его проазиатских симпатий, а спустя 12 лет оказали поддержку П. Хэнсон, которая озвучила их мысли⁴. Появление радикального политика именно от одного из округов Квинсленда было в целом не удивительно: штат славился как наиболее консервативный еще со времен долгого правления в нем одного из наиболее ярких лидеров аграриев Й. Бьелке-Питерсена в 1960–1980-х годах. На его территории проживало большое число аборигенов, и Квинсленд был одним из главных получателей федеральной финансовой помощи. Но на рубеже XX–XXI веков именно этот штат по экономическим показателям вырвался вперед благодаря динамично развивавшейся горнодобывающей промышленности. Такое смешение обстоятельств делало быстро меняющуюся ситуацию на севере страны особенно сложной, та, что действия противоречивших друг другу факторов не могли не породить выразителя протеста оставшихся за бортом «прогресса» жителей.

В 1996 году передовая общественность страны была шокирована резкими выступлениями П. Хэнсон в палате представителей и прессе, в которых она открыто призывала, во-первых, отказаться от «расизма наоборот», вернувшись к равному, без привилегий, статусу всех граждан Австралии; во-вторых, сохранять национальное, англосаксонское единство страны, пересмотрев для этого политику культурной многоукладности и ограничив иммиграцию из Азии. В своей первой речи с парламентской трибуны она заявила о себе как о независимом депутате от Оксли: она «не полированный политик, а женщина, которая получила свою долю пинков от жизни», чьи взгляды «основаны на здравом смысле» и опыте, попала в парламент главным образом потому, что выступила против приви-

легий аборигенов, за что и получила клеймо расистки. «В ответ на мой призыв к равенству для всех австралийцев наиболее крикливая критика раздалась из уст жирных котов, бюрократов и доброхотов. Они кричали громче всех, потому что они и теряли больше всех – их власть, деньги и положение, Наша нация разделена на белых и черных, и нынешняя система поощряет это», – говорила Хэнсон. Несмотря на щедрое содержание членов Совета по примирению с аборигенами, – более 600 долл. в день только представительских расходов, не считая приличных размеров жалований, – от них мало проку. Выдвинув требование распустить специальные аборигенные организации, Хэнсон не пожалела и государственных мужей: «Если политики продолжают проводить сепаратизм в Австралии, они не должны продолжать заседать в парламенте. Они не являются истинными представителями всех австралийцев, и я призываю народ выбросить их вон. Чтобы жить в мире и гармонии, объединенными и сильными, мы должны иметь один народ, одну нацию, один флаг... Отмена политики мультикультурализма сэкономит миллионы долларов и позволит представителям этнических меньшинств влиться в основу Австралии, вымостив путь к сильной единой стране... Проснись, Австралия, пока еще не поздно», – эти слова услышала уже вся страна⁵.

Надо отметить, что подход ее к решению столь острых вопросов был достаточно демократичным. Она предлагала провести всеавстралийский референдум по вопросу об иммиграции и ввести мораторий на въезд в АС до тех пор, пока уровень безработицы не опустится до 5%. Хэнсон подчеркивала: «Я настаиваю на том, чтобы выдворить из страны всех азиатов; азиатское присутствие в Австралии было, есть и будет. Я выступаю лишь за разумный баланс»⁶. Иначе говоря, она ратовала за национальное единство в том виде, каком она это понимала: «Мы должны быть одной нацией, у нас не должно быть аборигенов или какой-либо другой нации внутри нашей нации»⁷.

Хэнсон также требовала оказывать государственную поддержку не по этническому, а по социальному критерию – тем, кто сами не в состоянии решить свои проблемы: молодежи, малоимущим белым горожанам, фермерам, забытым жителям австралийской глубинки. Для осуществления этих целей она

предлагала предпринять самые радикальные меры, вплоть до выхода из ООН и возврата к традиционным для АС политическим ценностям: отказу от политики экономического рационализма и восстановлению режима протекционизма. Фактически она отвергала в первую очередь основы политики, разработанной Австралийской Лейбористской Партией (АЛП): иммиграцию из Азии, искусственное благосостояние аборигенов и политкорректность. Вместе с тем ее программа шла вразрез и с постулатами консерваторов из рядов Либеральной партии, будучи, адресованной непосредственно к рядовым избирателям без учета интересов большого бизнеса. «Политика правительства имеет эффект таблеток от гриппа, вы чувствуете себе несколько комфортнее, но вы по-прежнему больны. ... На деле, исследования показывают, что 80% австралийцев готовы платить немного больше, чтобы сохранить австралийское производство и австралийские рабочие места. Они знают, что это будет означать лучшее общество и стандарты жизни для всех нас», – утверждала Хэнсон с парламентской трибуны⁸.

Она апеллировала к нуждам простых австралийцев и их исторически укорененному чувству недоверия к профессиональным политикам, умело используя свой имидж женщины из народа. Она и была таковой, без особого опыта участия в большой политике, с ее порой небезупречными нарядами, ошибками в английской грамматике, так жадно ловимыми австралийской прессой и ее противниками. Но то, что раздражало интеллектуалов в облике «торговки рыбой из Квинсленда», нравилось рядовым избирателям, увидевшим в ней, наконец, политика из народа и говорящего от имени народа так, как говорит и думает сам народ. В одном из своих радиоинтервью она процитировала слова своих сторонников: «Слушай, не беспокойся об этом, товарищ. Продолжай свое дело. Мы такие же, как ты»⁹.

В результате, используя определение журнала «Буллетин», Хэнсон стала «точкой возгорания для взрывоопасного электорального недовольства»¹⁰. В принципе, основу ее выступлений составляли обычные, разделяемые многими австралийцами, консервативные постулаты, но в условиях доминирования в АС конца XX века стиля официальной политической корректности столь радикальную риторику сочли крайне реак-

ционной, и верхушка политического истеблишмента постаралась отмежеваться от одиозной, по местным политическим меркам, фигуры. Реакция премьер-министра Дж. Говарда была, как всегда, осторожной: он был поставлен в весьма двусмысленное положение выступлениями Полин Хэнсон, ведь в 1987–1989 годах он сам получил жесткую отповедь только за попытку возразить против увеличивавшегося потока иммигрантов из Азии. Вскоре его первая реакция – молчание – сменилась весьма дипломатичной апелляцией к свободе слова в Австралии, за которой стояло нежелание обострять и без того непростую ситуацию вокруг споров о мультикультурализме и правах меньшинств в целом. Он заявил, что страна освободилась от «цензуры на обсуждение определенных тем» и может высказывать свое мнение свободно¹¹. Тем не менее, под давлением общественности Хэнсон очень быстро пришлось расстаться с либералами, а когда премьер-министр увидел, что рост популярности Хэнсон может угрожать его партии и особенно их союзникам из Национальной партии, то просто не оказал ей поддержки.

В 1997 году, покинув ряды либералов, П. Хэнсон с помощью более опытных в политических делах Д. Олдфилда и Д. Эттриджа (известных как «два Дэвида») создала собственную Партию Одной Нации (ПОН), которая спустя год на выборах в Квинсленде одержала неожиданно крупную победу. Ей отдали голоса 23% избирателей, что позволило ПОН провести в парламент штата 11 депутатов. На логотипе новой партии был размещен ее лозунг «Голос народа». Название партии «Одна нация» в определенной мере противостояло звучавшему так же лозунгу, выдвинутому в начале 1990-х годов П. Китингом. В трактовке ПОН оно подчеркивало веру в необходимость национального единства в противовес правительственной политике выделения мигрантов и аборигенов как особо привилегированных частей социума.

Платформа ПОН определялась как «широко популистская и протекционистская». Ее главными требованиями были: сокращение иммиграции, которая вела к «азианизации Австралии»; отмена «разделяющей общество и дискриминационной политики... в области поддержки аборигенов и мультикультурализма», которые являлись «угрозой самой основе австралий-

ской культуры, идентичности и общим ценностям»; отказ от экономического рационализма и глобализации, которые разочаровали рабочий класс Австралии; требование восстановления протекционизма, высоких таможенных тарифов и возрождения местной промышленности, поддержки малому бизнесу и австралийской глубинке¹².

Австралийские политики определяли ее позицию как крайне правую, расистскую, популистскую и националистическую; пресса сравнивала Хэнсон с А. Гитлером, а будущее АС при ее приходе к власти, произойди таковой, определяла как режим Аушвица. Более трезвомыслящие обозреватели подчеркивали, что именно эти испуганные ее успехом люди испытывали «истерическую нужду сделать Хэнсон более экстремистской, чем она была»¹³. В этой связи стоит отметить, что в 1999 году один из ближайших помощников П. Хэнсон Д. Эттридж категорически отказался от предложения сотрудничать с возникшим в АС отделением Ку-Клукс-Клана, выступившим «за белую Австралию, против евреев, аборигенов и гомосексуалистов»¹⁴.

В целом по стране в поддержку ПОН в июне того же года высказывались 14,5% участников опросов общественного мнения, и эта цифра далеко превзошла рейтинг всех малых партий, действовавших в то время на федеральной арене. Осенью 1998 года ПОН выдвинула 23 кандидата в сенат и 139 – в палату представителей федерального парламента. Весьма характерен был в этой связи заголовок одной из статей в российской прессе, посвященной этой тематике: «Третья сила» намерена спасти Австралию от азиатов. Успех правых экстремистов пугает правительство, но не избирателей»¹⁵.

Ожесточенная травля в прессе и неприятие «торговки рыбой из Квинсленда» в кругах интеллектуальной элиты АС лишь способствовали ее популярности в среде рядовых жителей Австралии. Ее попытка создать альтернативную партию защиты прав белого населения страны опиралась на тот факт, что далеко не все австралийцы без исключения согласны с курсом левых либералов и интеллигенции. Автору данной статьи в 1998 году довелось лично говорить и с представителями университетских кругов, и с рядовыми жителями Австралии, которые в

приватных беседах недвусмысленно осуждали проазиатскую иммиграционную политику, а также читать граффити в читальном зале одной из библиотек Австралийского Национального Университета, содержание которых можно суммировать одной фразой: «Хэнсон – наш будущий премьер-министр». Это ясно свидетельствовало о бытовавших в то время настроениях в обществе и опровергало официальную точку зрения на ПОН как выразительницу взглядов полуграмотных маргиналов из «глухого буша».

Подобный поворот событий всполошил как азиатские общины в АС, так и правительства стран ЮВА, выразивших свою озабоченность по поводу роста в Австралии ксенофобных настроений. Потасовки на улицах австралийских городов между сингапурскими военнослужащими, проходившими в АС подготовку в рамках пятистороннего соглашения по обороне между АС, Новой Зеландией, Великобританией, Малайзией и Сингапуром, и местными жителями газеты приписали влиянию выступлений П. Хэнсон. Лидеры китайских общин АС сразу же пригрозили урезать пожертвования в фонд Либеральной партии, если правительство не предпримет жестких мер по обузданию ПОН. Аналогичным образом представители бизнес-сообщества государств АТР в ходе опроса, проведенного в декабре 1996 года, заявили, что после выступлений Хэнсон АС стал менее привлекательным для них¹⁶. Призывы министра иностранных дел АС А. Даунера, обращенные к иностранным журналистам, и просьбы более объективно освещать ситуацию в АС не находили живого отклика и повисали в воздухе¹⁷. Впоследствии любое проявление активности сторонников Хэнсон трактовалось в прессе союзников АС по АСЕАН и АТЭС только как знак популярности расизма в массах электората Австралии¹⁸.

Впрочем, активизировались и противники ПОН внутри Австралийского Союза. На улицах австралийских городов летом 1998 года студенты из социалистической молодежной группы «Сопrotивление» организовали массовые марши протеста против «расизма право-популистской ПОН и федерального правительства»¹⁹. В таком контексте и в преддверии очередных федеральных выборов, назначенных на конец 1998 года,

Дж. Ховард счел за лучшее дистанцироваться от новой партии. Выступление П. Хэнсон, с одной стороны, испугало австралийский истеблишмент, а с другой, тем не менее, помогло победе правительства, в котором большинство граждан АС увидело некую среднюю силу, способную удержать страну в равновесии. К тому же такие ведущие фигуры в Либеральной партии как П. Коулман и Т. Эббот, понимая абсурдность газетных нападок, уже в 1998 году разработали более прагматичный план подрыва авторитета ПОН, поставив под сомнение правильность ее регистрации и обвинив лидеров партии в финансовом мошенничестве²⁰.

Впрочем, страхи роста национальной нетерпимости оказались, как минимум, преувеличенными: получив на федеральных выборах 1998 года 9% голосов, но, фактически не сумев создать мощную и профессиональную команду единомышленников, Хэнсон не смогла добиться переизбрания в федеральный парламент. В 1999 году ей были предъявлены обвинения в неправильной регистрации ПОН в Квинсленде. По существу ее партия постепенно уходила в политическую тень, переживая внутренние расколы, и уже к 2000 году превратившись стараниями ее руководства в некое пугало, одержимое массой фобий. В книгах, опубликованных на деньги ПОН, будущее АС представлялось весьма специфичным: в 2025 году население страны достигнет 1.8 млрд. человек – главным образом из Индии и Китая, – столицу переименуют на китайский манер, а во главе страны встанет президент-лесбиянка, выдвинутая на этот пост Мировым Правительством²¹. В конце XX века это казалось бредом, против Хэнсон разворачивалась кампания открытой травли, ее идеи определяли как «неработающий джингоизм»²², а сама она опасалась за свою жизнь. В 2001 году провалилась попытка П. Хэнсон пройти в сенат под лозунгами «справедливого подхода к народу Австралии» и заимствованным у партии Австралийских Демократов, несколько переиначенным, но более агрессивным лозунгом «Давайте отделаемся от ублюдков»²³. В 2003 году она не попала в верхнюю палату парламента НЮУ. Тогда же ее отправили в тюрьму по обвинению в финансовых махинациях, где она провела 11 недель, после чего приговор был просто аннулирован. Выборы 2004 года также

оказались для ПОН неудачными. Это стало закатом политической карьеры ее лидеров.

По мнению некоторых обозревателей, причины, повлекшие за собой конец ПОН, крылись в том, что перед АС вставляли более серьезные экономические и социальные проблемы, а сама эта партия и ее лидер были всего-навсего «угрозой, которую всегда преувеличивали»²⁴. Другие считали, что «Хэнсон сама стала архитектором своей печальной судьбы»: умея «блестяще передавать свои идеи людям, ждущим простых ответов на сложные проблемы», она «никогда не была сильна в разработке политических деталей»²⁵. ПОН раскололась на несколько малозначимых группировок и не представляла больше никакой угрозы правящим партиям.

Однако, по справедливому замечанию журнала «Буллетин», «партия Хэнсон умерла, но расовые вопросы, которые она зажгла, все еще полны жизни»²⁶. Провал проекта по созданию альтернативной партии соблюдения прав доминирующего населения страны отнюдь не свидетельствовал о том, что все австралийцы без исключения согласились с правительственным курсом. Все эти события возродили интерес к политике «белой Австралии», быть приверженцем которой в условиях доминирования парадигмы мультикультурализма означало носить клеймо ярого реакционера, а все попытки более объективно присмотреться к плюсам и минусам старой системы расценивались, как стремление вернуть страну в расистское прошлое.

Свидетельством пристального внимания к вопросам регламентации иммиграционных потоков стало недавнее размещение в интернете ряда материалов, появление которых в официальной печати вряд ли возможно в настоящее время. Один из них – статья преподавателя Университета Маккуори в Сиднее и, по его собственному определению, «расового реалиста» Э. Фрейзера «Переосмысление Политики Белой Австралии», в которой он утверждал, что существовали и существуют непреодолимые расовые различия, без учета которых нельзя понять точку зрения апологетов «белой Австралии». Он выступил категорически против историков и интеллектуалов 1960-х годов, которые «учили австралийцев самоуничтожению и ненависти к своему пошлему». По его мнению, отказ от «белой Австралии»

в пользу мультикультурализма – дело рук верхушки страны: чиновников и предпринимателей, одержимых глобалистским видением места Австралии в мире с их узкопрофессиональными взглядами. Им выгодно дробление общества на части по этническому принципу, так как таким обществом удобнее манипулировать. Правящие элиты, сознающие, что они делают, уничтожая национальные основы своих государств, «представляют собой большую угрозу западной цивилизации, чем исламские боевики, которых они предпочли укрыть в сердце цитадели»²⁷.

И хотя многие постулаты Э. Фрейзера и его сторонников порой весьма спорны, сама австралийская действительность конца XX века заставила людей внимательнее присмотреться к происходившим в стране событиям. Феномен ПОН – одной из малых партий АС, которые в XX веке периодически появлялись на политической арене страны, зачастую являясь лишь очередным предвыборным проектом, и столь же быстро исчезали, выполнив поставленную перед ними задачу, – в том, что всего за 6 лет своего далеко не безоблачного существования она сумела серьезно всколыхнуть общественное мнение страны, поставив в центр внимания в очень резкой форме главные вопросы настоящего и будущего австралийского социума. Споры вокруг основ политики ведущих партий АС, достигших в последней трети XX века определенного консенсуса в базовых подходах к экономическому и демографическому курсу государства, привели к некоторому политическому отрезвлению части политического истеблишмента. Результатом стал определенный пересмотр основ социальной и иммиграционной политики АС, который нашел свое отражение в коррекции курса мультикультурализма на рубеже XX–XXI веков. Главным в подходе правительства к вопросам национального строительства стал не акцент на этничности и пестроте австралийского социума как самодовлеющей ценности, а стремление сплотить людей с различными исходными данными в единую нацию, основой которой станут общие для всех гражданские ценности.

В опубликованном в мае 2003 г. официальном правительственном документе «Мультикультурная Австралия: объединенная в разнообразии» еще раз подтверждалась верность при-

нятому ранее курсу, что вполне понятно в стране, где ныне порядка 40% населения родились за ее пределами и говорят на 200 языках. Однако постоянно и настойчиво подчеркивалось, что базой единения ее граждан является «лояльность к Австралии и ее народу и уважение основных структур и принципов, утверждающих наше демократическое общество. Таковыми являются Конституция, парламентская демократия, свобода слова и религии, английский как национальный язык, правление закона, приятие ценностей и равенство». Другими словами, чувство единой для всех гражданственной ответственности провозглашалось «мощной объединяющей силой в нашем разнообразном мультикультурном сообществе». На базе этого были разработаны 4 принципа национального строительства в АС: 1) ответственность всех австралийцев за выполнение своих гражданских обязанностей; 2) уважение прав каждого выражать свои культуру и верования; 3) справедливость по отношению к каждому в рамках социального равенства; 4) преимущества культурного разнообразия должны служить всем гражданам страны. Целью правительства стало достижение гармонии в отношениях граждан; в мае 2002 года продлена еще на 4 года начатая в 1999 году инициатива «Проживание в гармонии», на проведение которой ежегодно выделялись 3,5 млн. долл. в виде грантов для этнических общин. С 1999 года ежегодно 21 марта проводится День гармонии, когда жителей страны призывают наладить взаимопонимание и «сказать «нет» расизму»²⁸. Все это подтверждало тот факт, что курс правительства лишь корректировал перекосы мультикультурализма, но ни в коей мере не нацелен на полный отказ от этой политики.

Было сформулировано и новое понимание сути «австралийскости» – «более богатого понимания австралийского гражданства как членства в политическом сообществе людей с особой историей, сопричастных уникальной стране... Быть или становиться австралийским гражданином означает участвовать в этой истории и наследии», – к такому выводу пришли ведущие политологи страны²⁹. Весьма примечательно то, что в защиту новых подходов выступили представители тех самых академических кругов, которые до появления ПОН считали хо-

рошим тоном соглашаться с доводами сторонников мультикультурализма и политкорректности.

Пожалуй, ни один из австралийских политических деятелей не удостоивался столь жесткой критики, как П. Хэнсон, а уход ее партии из большой политики, кажется, помог облегченно вздохнуть многим ее бывшим сподвижникам в австралийском истеблишменте. Место на правом фланге австралийской политической системы в 2004 году заняла гораздо более умеренная по взглядам партия «Семья прежде всего». Правда, такой популярности и общественного внимания, какого были удостоены ПОН и ее лидеры, у их «местоблюстителей» пока нет.

Тем не менее, феномен ПОН и П. Хэнсон дали серьезный повод задуматься над тем, о чем же действительно говорит «голос народа». А уж будут ли к нему и дальше прислушиваться государственные мужи АС, как говорят на РТВ, «покажет время». Опыт АС тем более важен в условиях, когда всплеск радикальных настроений среди титульных народов Европы в защиту своих национальных ценностей и социальной политики от неконтролируемых миграционных потоков наблюдается в наши дни во многих странах: от Франции и Голландии до Венгрии включительно³⁰. Да и в России межнациональные проблемы неумолимо набирают силу, и, согласно опросам аналитического центра Ю. Левады, за период с 1999 по 2009 годы число москвичей, которые указали на эти вопросы, как на наиболее тревожащие, выросло на 12%: с 27 до 39%³¹. Не реагировать на эти вызовы просто невозможно, а не обращать на них внимания – неразумно.

---

¹ См. Подробнее Macintyre S. A Concise History of Australia. Cambridge, 2005 з.258–260.

² Galligan B., Roberts W. Australian Multiculturalism: Its Rise and Demise. University of Melbourne. Refereed paper presented to the Australasian Political Studies Association Conference University of Tasmania, Hobart, 29 September–1 October 2003 // <http://www.utas.edu.au/government/APSA/GalliganRoberts.pdf>.

³ Цит. по: Knightley P. Australia. A Biography of a Nation. L., 2001, p.321

⁴ The Bulletin, October 8, 1996, p.41

- ⁵ Pauline Hansons's Maiden Speech, 1996
⁶ Коммерсантъ-Daily, 2.11.1996
⁷ Australia...to be divided, 1998
⁸ Australia and Trade Tariffs, 1998
⁹ Цит. по: Knightley, 2001, p.322, 323
¹⁰ The Bulletin, July 4, 2006, p.79
¹¹ The Bulletin, October 8, 1996, p.41
¹² См.: One Nation's... 1998; The Courier-Mail, 13 June 1998
¹³ Pauline Hanson, 1997, p.156
¹⁴ Известия, 4.06.1999
¹⁵ Русский Телеграф, 16.06.1998
¹⁶ Иностранец. 1996, 5 ноября; 18 декабря
¹⁷ Иностранец, 4.12.1996; Пульс Планеты, 2.09.1997
¹⁸ см., например: The Straits Times, Singapore, 14.02.2001
¹⁹ The Moscow Times, 29.08.1998
²⁰ The Australian, August 28, 2003, p. 11
²¹ Knightley, 2001, p.323
²² The Bulletin, August 29, 2000, p. 29
²³ The Bulletin, February 20, 2001, p.26
²⁴ Knightley, 2001, p.325
²⁵ The Australian, August 22, 2003, p.10
²⁶ The Bulletin, July 4, 2006, p.79
²⁷ Fraser
²⁸ Multicultural... 2003, p.6-8
²⁹ Galligan, Roberts, 2003
³⁰ см., например: Гости... 2009, с.18–19
³¹ Metro (Москва), 27 июля 2009

Список литературы

- Гости званые и незваные // Российская газета. 2009, 28 мая.
Australia and Trade Tariffs. Parliamentary Speeches Pauline Hanson MP // <http://www.gwb.com.au/gwb/onenation/speeches/sept97a.html>. – Tuesday, 16 June 1998.
Australia...to be divided up into states like Canada? Parliamentary Speeches Pauline Hanson MP. // <http://www.gwb.com.au/gwb/onenation/speeches/sept97a.html>. – Tuesday, 16 June 1998.
Galligan B., Roberts W. Australian Multiculturalism: Its Rise and Demise. University of Melbourne. Refereed paper presented to the Australasian Political Studies Association Conference University of Tasmania, Hobart, 29 Sep-

tember–1 October 2003 //

<http://www.utas.edu.au/government/APSA/GalliganRoberts.pdf>.

Fraser A. Rethinking the White Australia Policy

//<http://users.bigpond.net.au/jonjayray/fraser.html>.

Knightley P. Australia. A Biography of a Nation. L., 2001.

Macintyre S. A Concise History of Australia. Cambridge, 2005.

Multicultural Australia: United in Diversity. Canberra, 2003.

Pauline Hanson's Maiden Speech Delivered in the federal Australian parliament on 10th September, 1996 //

<http://www.ourcivilisation.com/decline/example/hansonp.htm>.

Pauline Hanson. One Nation and Australian Politics. Ed. by Grant B. Armidale, 1997.

Pauline Hanson's One Nation. Immigration, Population and Social Cohesion Policy 1998 //

<http://australianpolitics.com/parties/onenation/immigration-policy-98.shtml>.